

Юлий Айхенвальд

Грибоедов

Юлий Айхенвальд
Грибоедов

«Public Domain»

1910

Айхенвальд Ю. И.

Грибоедов / Ю. И. Айхенвальд — «Public Domain», 1910 — (Силуэты русских писателей)

ISBN 978-5-457-13354-9

«Одинокое произведение Грибоедова, в рамке одного московского дня изобразившее весь уклад старинной жизни, пестрый калейдоскоп и сутолоку людей, в органической связи с сердечной драмой отдельной личности, — эта комедия с избытком содержания не умирает для нашего общества, и навсегда останется ему близок и дорог тот герой, который перенес великое горе от ума и оскорбленного чувства, но, сильный и страстный, не был сломлен толпою своих мучителей и завещал грядущим поколениям свое пламенное слово, свое негодование и все то же благородное горе...»

ISBN 978-5-457-13354-9

© Айхенвальд Ю. И., 1910
© Public Domain, 1910

Юлий Исаевич Айхенвальд Грибоедов

Одинокое произведение Грибоедова, в рамке одного московского дня изобразившее весь уклад старинной жизни, пестрый калейдоскоп и сутолоку людей, в органической связи с сердечной драмой отдельной личности, – эта комедия с избытком содержания не умирает для нашего общества, и навсегда останется ему близок и дорог тот герой, который перенес великое горе от ума и оскорбленного чувства, но, сильный и страстный, не был сломлен толпою своих мучителей и завещал грядущим поколениям свое пламенное слово, свое негодование и все то же благородное горе.

Знаменитая пьеса «держится каким-то особняком в литературе» и, по известному сравнению Гончарова, похожа на столетнего старика, «около которого все, отжив по очереди свою пору, умирают и валятся, а он ходит, бодрый и свежий, между могилами старых и колыбелями новых людей, и никому в голову не приходит, что настанет когда-нибудь и его черед».

Несомненно, этот черед увядания и смерти настал бы и для грибоедовского творения, если бы, прежде всего, не замечательный рисунок пьесы, который, при всей незаконченности, до сих пор увлекает своим изяществом. Почти все фигуры написаны тонко, четко и, как хорошо заметил Борис Зайцев, сухо, т. е., можно добавить, аристократически-сухо, без той мешанской сочности и маслянистости, которая могла бы заставить краски расплыться и перейти в пятна. Все время перед вами *blanc et noir*, гравюра, и чувствуется не кисть, а игла, осторожная, уверенная и смелая в руке артиста-аристократа. Несмотря на комизм слов и положений, на все эти падения и подслушивания, – тона везде благородные, нет лишнего, все сжато, шарж не внешний, а внутренний, и смешное в то же время строго; во всяком случае, оно нигде не переходит в тривиальное. Диалог, живой, блестящий, скорый, движется непринужденно и грациозно, и каждый раз вспыхивают, как чешуя змеи, красивые искры остроумия, и точно скрещаются перед вами гибкие рапиры. Вообще, много острого, умного, колкого. У Грибоедова не стиль, а стилет.

Затем, для бессмертия спасает комедию то, что она – не только общественная сатира и картина нравов. Ведь нравы меняются, и положительные идеалы сатирика-обличителя находят себе, хотя бы и медленное, осуществление. «Горе от ума» потому простерло свою художественную силу далеко за исторические пределы своей эпохи, оно и теперь потому сохраняет свежесть и красоту, что дает не только бытовую, временную страницу, но и, под своей старинной оболочкой, в нарядах и убранстве отжившей моды, хранит своеобразное отражение вечных типов литературы, отвечает на исконные стремления и тревоги человеческого духа. Эту двойную ценность, историческую и общую, имеет комедия Грибоедова.

И первую сторону ее с особенным блеском и редкой осязательностью показал на своей сцене Московский Художественный театр. Он воссоздал орнамент и стильную раму для грибоедовских портретов, дал археологически точный сколок с внешней жизни двадцатых годов. Перед зрителями прошла живая старина во всей характерности своих костюмов, привычек, обстановки; то, что мы видели только на старых изображениях, облеклось в плоть и кровь, задвигалось и заговорило. Это было очень любопытное зрелище, прекрасная человеческая живопись – тем более привлекательная, что относилась она к эпохе, которая и литературно близка нам, и по внешним особенностям своего быта еще не так далеко ушла от нас, чтобы производить впечатление чего-то холодного и незнакомого. Есть особые чары и пленительность в наивной картине такого отжившего, которое еще недавно жило и оставило свои отпечатки, свое теплое дыхание, на родственной современности. Вся эта мебель, уборы, пожелтевшие дагеротипы и даже этот пока еще безмолвный, пока еще «с чувством, с толком, с расстановкой» не читающий Петрушка, невозвратно вошедший в русскую лите-

ратуру со своим классическим разодранным локтем и благодаря ему, все эти немые свидетели и пережитки отлетевшей жизни, – все это уже не наше, но еще не чужое, каким является, например, обстановка «Царя Федора». И если бы эти вещи, этот барский дом, лакей с чулком в руке, эти девушки в старомодных прическах, с начесами, жили на полотне, на картине Сомова, а не вели эфемерного и призрачного существования на подмостках сцены, то перед нами было бы воплощенное художественное воспоминание и веял бы дух старой, но не стареющей красоты.

Итак, в эту внешнюю форму вложено содержание, которое определенный момент из жизни русского общества синтетически претворило в сюжет общечеловеческий. Ибо пьеса Грибоедова на свое название комедии имеет, конечно, только историко-литературные права; по существу же она – глубокая трагедия, и роковая невзгода, постигшая Чацкого, представляет собою лишь частичный отзвук мировой судьбы идеализма.

В трибуне московских салонов живут черты Гамлета, который противопоставляет свою неумолкающую критику, свою неугомонную и пытливую думу пошлой непосредственности окружающего мира. Чацкий тоже, как и тоскующий датский принц, должен был сбросить со своих разочарованных глаз пелену мечтаний и увидел жизнь во всей ее низменности и лжи. И Гамлета только потому не ослабили безумным, как его русского преемника, что он сам успел и сумел надеть на себя личину сумасшествия. В этой участи ума слыть безумием есть нечто роковое. Об этом на русском языке мог бы многое рассказать Чаадаев...

Правда, в противоположность шекспировскому герою, Чацкий в своем размышлении, в своем осуждении не достигает философской высоты: его мысль летает гораздо ниже, и он, конечно, критик не бытия, а быта, не мира, а только его отдельного, маленького уголка. Но не потому ли именно он и не уходит всецело в тоску, не ограничивается одним бесплодным сарказмом отрицания? Нам известны его положительные требования от жизни, его слово звучит как дело, он борется, и в этой борьбе он напоминает того, кто Гамлету противоположен: в этой борьбе его постигает грустная и смешная участь Дон Кихота. Он щедро тратит свою энергию и энтузиазм, беспечно расточает ценный бисер своих мыслей и речей, и в неестественном цвете раздражения мелкое и второстепенное принимает для него преувеличенные размеры: точно на великанов, обрушивается он на такие ветряные мельницы, как «смешные, бритые, седые подбородки» или фрак, в котором видит даже нечто противное рассудку и стихиям... Но все эти увлечения, вносящие долю комизма в серьезный облик Чацкого, показывают только, что перед нами – живая человеческая личность, а не ходячий ум или воплощенная идея. Чацкий привлекает всею своей пылкой натурой, – не только своим умом, но, как это странно ни звучит, и своими «глупостями», необычностью своего поведения и словесных выходов. Ибо они – плод его кипучей и напряженной души. В противоположность ему, спокойный, умеренный и аккуратный Молчалин не сделает никакой нелепости; практически рассудительный, своим молчанием он обеспечил себя от смешного и прекрасно держится в обществе. Правда, он потерпел неудачу и должен был уйти из фамусовского дома; но это произошло только потому, что он не предвидел случайности подслушанного разговора, и это произошло тогда, когда он дал волю своему, хотя и мелкому, увлечению Лизой. На гладкой дороге своей карьеры Молчалин встретил временную помеху оттого, что не связал своего чувства, что он проговорился, и это будет для него уроком. Теперь уж он никогда не сломит «безмолвия печати». Он еще глубже поймет, как опасно прерывать молчание, проявлять свое чувство, и подобно тому как пожар много способствовал украшению Москвы, так ночное происшествие в фамусовских сенях сослужит хорошую службу Молчалину, даст новый аргумент в пользу его бессловесного мировоззрения, и Молчалин не пропадет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.